

Многие с удивлением узнают, что «Фауст» является трагедией – драматическим произведением для чтения, а не для постановки. Когда задаешься вопросом, в чём, собственно, заключается эта трагедийность, возникает другой вопрос: почему произведение называется «Фауст», а не «Маргарита», ведь именно Маргарита оказывается в тюрьме. Её брат убит, мать умирает, а сама девушка остаётся с мёртвым младенцем на груди. Однако драма называется «Фауст». Более того, название не менее загадочно, чем «Отелло». Когда тот зарезал (а не задушил) Дездемону, девушка продолжает монологи, причём очень важные. Отсюда возникла версия, что Отелло её задушил.

Есть тайны, которые так и остаются неразгаданными. Понятно, что Гёте, как и любой поэт, пишет о себе. Поэтому трагедия Маргариты автор переживает как свою. «Фауст» – не просто горечь. Гёте – типичный Фауст: его жизнь целиком и полностью посвящена познанию. Знания для Гёте – главная радость жизни и смысл существования. Однако познание в его случае не относится к накоплению информации. Познание для Гёте, прежде всего, понимание замысла Творца. Возможно, это очень дерзкий проект, но в своё время он охватил всю Европу и в равной степени был свойственен Германии, России, Франции и Британской империи. Вся интеллигенция увлеклась масонским проектом – познать замысел Творца, Главного Архитектора.

О масонстве принято судить по двум крайностям. Первая включает в себя взгляд Екатерины Второй, воспитанной в рациональных традициях Просвещения. Масонство она называла «колобродством». До сих пор это самый распространенный взгляд девяноста процентов людей. Лев Николаевич Толстой одно время очень интересовался масонством. В романе «Война и мир» он вводит Пьера Безухова в масонские тайны, но позже оказывается, что это вовсе не тайны, и герой разочаровывается. Однако, несмотря на это, Безухов продолжает пользоваться масонскими символами: кодирует своё имя в цифры. Из полученного сообщения Пьер узнает, что должен убить Наполеона. Согласно советскому литературоведению, Пьер Безухов освободился от масонства, однако в действительности свои вычисления он всё равно продолжает.

Роман Пушкина «Евгений Онегин» полон математических выкладок и построений, как, например, знаменитая «онегинская строфа». Сальери и сальеризм – нечто, идущее от ума, не имеющее к сердцу никакого отношения. Но сальеризм также является и движением по расшифровке тайн мироздания. Кстати, Сальери был великим педагогом, оказавшим огромное влияние на Моцарта и Бетховена. Я не исключаю версии, что он мог стать отравителем Моцарта. Мы же были свидетелями того, как в Большом театре облили артиста то ли кислотой, то ли ещё чем. К сожалению, художники, музыканты и артисты – тоже люди...

На склоне дней своих Сальери признался в отравлении. Мне кажется это убедительным. Я разделяю точку зрения Пушкина и верю, что Сальери – человек, оставивший Моцарта на концерте, – вполне мог его убить.

В этом смысле Гёте был масоном в N-ной степени. К «Фаусту» ведут его романы «Молодые годы Вильгельма Мейстера» и «Годы обучения Вильгельма Мейстера». Мейстер обучается познанию Вселенной и Мироздания. Он поднимается на винтовую башню и общается с великой Макарией. Обратите внимание, что именно женщина открывает тайны Мироздания. Макария видела и знала расположение планет.

Она никогда не изучала астрономию, а просто обладала особым видением. Гёте подробнейшим образом описывает этот документальный факт.

Стремление героя к познанию мира не случайно связано со стремлением познать тайну любви. Фауст – профессор преклонных лет. Средняя продолжительность жизни в то время составляла 40-45 лет, но люди преклонного возраста тоже встречались, например, Гёте или Жуковский. Фауст находится именно в том возрасте, когда обычно «уходили», и чувствовал себя соответственно. Неожиданно профессор обратился к тому, что было ему недоступно. Этот момент в драме не автобиографичен, поскольку сам Гёте влюблялся, как и все юноши того времени.

Влияние писателя было огромным. После романа «Страдания юного Вертера» молодые люди начали стреляться. Возникает странный парадокс: масон – человек, устремлённый к рациональному познанию, написал очень чувственную вещь. Гёте так правдоподобно передал юношеские страдания молодого человека, который кончает с собой из-за любви, что Европу захлестнула волна самоубийств на любовной почве. Так что нельзя сказать, что у Гёте и Фауста было абсолютное сходство.

Фауст посвятил себя познанию – богословию, философии, астрологии, астрономии, т.е. всем наукам, которые в то время существовали. Фауст, которого мы наблюдаем вначале, это Ньютон. Многие считают Ньютона великим физиком. Безусловно, это так, но себя он воспринимал как великого тайновидца. Ньютон считал физику всего лишь приложением к своим астрологическим трактатам – «Предсказанию будущего» и «Апокалипсису». Там множество цифр, и даже я, не очень склонный к математическим вычислениям, расшифровал в «Апокалипсисе»: «Имя его 666». Почему именно эта цифра? Дело в том, что в шумерском летосчислении была не десятичная, а шестеричная система. Число 666 всё равно, что наша тысяча – круглое число, символизирующее бесконечность, но не только. По-шумерски 666 звучит как вывернутое наизнанку имя Иисуса. Греческий перевод «антихрист» – уже вульгаризация. Я говорю об этом мимоходом, а Фауст данной теме посвятил всю свою жизнь.

Гёте трудился над «Фаустом» 60 лет: начал его в XVIII веке, а закончил в XIX-м. Это, пожалуй, первый случай в литературе, когда автор написал гениальную масскультурную вещь. Первая часть «Фауста» выглядит как женский роман и понятна любой девушке: несчастная любовь, обман, аборт и т.д. Первую часть читали взахлёб, в независимости от степени образованности читателя. Это была массовая литература, которая принесла Гёте неслыханную популярность. Автора подобная известность раздражала, поскольку он вкладывал в произведение глубочайшие богословские, религиозные, мистические и тайновидческие прозрения, а читатели восприняли произведение как развлекательную литературу.

Приведу одно высказывание. Возможно, оно не совсем верное, спорное, но очень остроумное. Юрий Петрович Любимов дружил в Николаем Эрманом. Он говорил: «Эрман всё время меня спрашивал, какая часть „Фауста“ наиболее сильная – первая или вторая?». Юрий Петрович в молодости не отличался книжничеством. Жизнь его складывалась так, что над книгами сидеть ему не приходилось. Во-первых, он – актёр, красавец, с цыганскими генами и темпераментом. Во-вторых, он пошёл сначала в армию, потом на фронт, на Финскую войну, получил ранение колючей проволокой в живот. Так вот, Юрий Любимов так ответил Эрману, испуганно посмотрев на него: «Я думаю, что наиболее сильная часть „Фауста“ первая». Любимов опасался, что Эрман уличит его в непонимании философских глубин. А Эрман продолжил допытываться: «Правильно, а почему?». И тогда Юрий Петрович честно сказал, что затрудняется ответить. «Потому что, когда Гёте писал первую часть, – сказал Эрман, – он ещё не знал, что он гений. А когда в последующие годы Гёте создавал вторую часть, он уже знал, что гений, и каждое его слово будут изучать».

Я недостаточно хорошо знаю систему образования в Германии, но если верить высказываниям моих немецких друзей, то школьники «Фауста» там изучают. Дело в том, что прочитавшему это произведение уже не нужно изучать античную философию – в «Фаусте» всё есть. Более того, Фауст и Мефистофель ведут с философами настоящие диспуты, беседы и философские споры. Беседуя со сфинксами, они узнают суждения, взгляд на вещи и точку зрения каждого из них. Таким образом, в трагедии собирается интересная компания: философы, сфинксы, мудрецы, боги и, конечно, ведьмы. Встречается даже полуведьма, которая никак не может взлететь на своей метле и жалуется на судьбу.

В разговорах участвуют даже насекомые – червячки и кузнечики. Видимо, Хлебников свои великие вещи написал под большим влиянием Гёте. У него тоже разговаривают все: травы, птицы, деревья и листва. Идея о существовании единого мирового языка всего сущего принадлежит не только Гумбольдту, филологу, языковеду и географу. Эта догадка в наибольшей степени выражена у Гёте в «Фаусте», где и камни разговаривают, и даже падающая звезда жалуется, что угодила в траву. Эта вещь могла быть поставлена как абсурдная драма в духе Хармса или Введенского, в хлебниковском стиле, в пантеистическом, мистическом и космологическом. «Фауста» можно ставить как угодно, потому что произведение это гениально.

Когда Гёте написал вторую часть, то остался таким же гением, каким был при создании первой части. Однако в первой части автору важно было выразить свои чувства, а во второй – осмыслить. В первой части Гёте понял и почувствовал, что самое главное в мире – любовь, тайну которой мужчине открывает женщина. За подобную мысль на автора обрушились теософы и богословы. Согласно их мнению, не-

обходимо обращаться к святым трактатам или праведникам, которые откроют истину, а Гёте утверждает, что нужно идти к любимой девушке.

Фауст в первой части – человек, который узнал всё: трагедию, жизнь, смерть и смысл жизни. Однако всё это он узнал на человеческом уровне. Фауст – учёный. Для чего он столько учился и дожил до преклонных лет? Теперь герой должен осмыслить все знания и рассказать другим. Вся вторая часть «Фауста» посвящена познанию.

Познание – сюжет библейский. Павел Флоренский, учитель Алексея Федоровича Лосева, говорил: «Нет заповеди, запрещающей познание, но я подозреваю, что такая заповедь существует». Сам Флоренский, кстати, всю жизнь занимался познанием, результатами которого стали «Столп и утверждение истины», «Мнимости в геометрии» (сверхгениальная книга, за которую его расстреляли), но тем не менее он считал познание соблазном.

У Гёте таких сомнений нет. Он считает познание человеческим долгом. Это масонский символ веры и масонская религия, из которой выросла вся современная наука. Мы очень недооцениваем масонство, воспринимая его с точки зрения политики и тайного общества. На самом деле, всё это на поверхности. Однако, рассматривая масонство в роли культурно-исторического движения, можно заметить, что фактически вся современная наука – великая математика и великая физика – выросла из размышлений масонов об архитектуре мироздания. Они начали с пирамид, считая, что в них зашифрованы космические познания: не только число «пи», но и соотношения планет и многие космические законы. Масоны пытались понять замысел Великого Архитектора.

Гёте пережил испытание славой и властью, поскольку был премьер-министром. Часть Европы, которую мы сегодня воспринимаем как Германию, раньше была наполнена множеством разных княжеств, которые время от времени воевали друг с другом. К счастью, премьер-министр мог утром быстро обойти всё своё государство и навести порядок. Будучи премьер-министром, Гёте каждый день начинал следующим образом: просил починить мост, залатать крышу у вдовы, собрать яблоки. Обойдя всё княжество, навести порядок было очень просто.

Вдруг на этот уютный и замечательный мир, действующий с немецкой точностью и порядком, обрушился кошмар Великой Французской революции. Извержение вулкана или землетрясение – это хорошо или плохо? Да, эти явления всё разрушают, но после вулкана на пепле вырастают сады. Короче говоря, Французская революция стала своеобразным землетрясением или извержением вулкана. С одной стороны, она всё разрушила, а с другой, принесла удивительную вещь – Декларацию прав человека и гражданина.

Понять произведения европейской литературы XVIII и XIX веков без Декларации прав человека просто невозможно. Дело в том, что ни в Ветхом Завете, ни в Новом Завете нет понятия «права человека». Первым это понятие сформулировал Руссо: «Человек рождается на свет с данными ему Богом неотъемлемыми правами». К сожалению, в нашей стране подобное тяжело внедряемо и не входит в плоть и кровь.

Понятие о правах человека вошло в сознание европейской интеллигенции, поскольку оно вышло из него. Говоря «европейское», я имею в виду определенный европейский блок культурно-исторического этноса. Для них права человека стали чем-то обыденным. Поэтому после смерти Гёте странно было обнаружить пролог к «Фаусту», в котором Бог спорит с дьяволом.

Отождествление Мефистофеля с дьяволом – основная масскультурная ошибка. Понимаю, что бороться с подобными заблуждениями невозможно – однажды возникнув в сознании масс, они там и остаются, но в нашей просвещённой аудитории можно внести некоторые уточнения.

Бог ведёт философский диспут с Мефистофелем. Но кто он такой? Да, у него есть копыта, и как бы он их ни маскировал, в трагедии постоянно подчеркивается их наличие. Особенно копыта становятся заметны, когда Мефистофель, ухаживая за дамой, наступает ей на ногу. Он постоянно ведёт эротическую любовную игру. Больше всего Мефистофель напоминает Джокера. Он – игрец. На Воланда Мефистофель совсем не похож. Воланд – моралист и немного зануда, но тоже не дьявол, а кто-то из духов. Игровое начало присутствует в его свите. Что касается Мефистофеля, он сам обладает игровым началом: всегда играет и увлечён. Вместе с Фаустом он пускается в приключения. Для Мефистофеля – это увлекательная игра, которая началась, когда он поставил на душу Фауста во время разговора с Богом. Безусловно, выдвинуть Всевышнего действующим лицом – неслыханная дерзость. Для католиков и протестантов появление в произведении Бога наравне с Мефистофелем было несколько странно.

Разговор Бога и Мефистофеля не спор, а светский разговор, утончённая беседа. Они рассуждают о свойстве человека. Мефистофель склонен верить, что человек – ненадёжная субстанция. Тогда Бог обращает его внимание на Фауста, на что Мефистофель отвечает: учёный тоже подвержен человеческим слабостям. Бог предложил ему поспорить, и они заключили пари.

Я понимаю, почему Гёте не публиковал это при жизни. Его бы просто растерзали за оскорбление чувств верующих.

Был ли Гёте верующим? Масонство – сложное движение, в которое входили атеисты, благочестивые религиозные люди и упёртые фанатики. Но если говорить о Гёте, он являлся сторонником мировой религии, вне религиозных конфессий. Это не значит, что он был настроен враждебно по отношению

к религии. По мнению Гёте, Творец и Его тайна существуют. Кроме того, он считал, что главная заповедь – «Возлюби ближнего своего, как самого себя» заключена в себе все законы. Что касается любви, Гёте понимал её в более человеческого плане и не разделял любовь к женщине и к человеку вообще (любовь – есть любовь). Более того, он обладал личной религией – любовью к женщине, которую воплотил в первой части «Фауста».

В первой части трагедии присутствует фальшь. Фауст от Мефистофеля получает молодость и ухаживает за Маргаритой, как молодой человек. Девушка думает, что он молод, а в действительности, Фауст, согласно понятиям того времени – старик. Всё это игра природы, поскольку человек устроен так, что внутри себя сохраняет детство и юность. Внешне он меняется, а внутри может играть в детские игры и влюбляться. Всё это было свойственно автору: он являлся человеком в самом полном смысле этого слова.

Несмотря на то, что в Декларации прав человека и гражданина нет права на любовь, именно она «распечатала» право на влюблённость, чувство и реабилитацию человеческого чувства, как дара Божьего, который открывает смысл Бытия. Так считал Гёте. Данная идея присутствует во всех произведениях автора, но в «Фаусте» выходит на первый план. Поэтому омоложение героя – всего лишь метафора. Возьмите любого человека преклонного возраста: в душе он остаётся молодым.

Наука по-прежнему очень рациональна, поэтому придумала множество разных вещей: возрастную психологию и прочее. Хорошо, что такие темы изучаются, но того, о чём я сейчас говорю, наука не касается. Гёте был не только гениальным поэтом, но и учёным. Он изучал научные темы на примере своей биографии. Результатом исследований стала первая часть «Фауста».

В дальнейшем автор впервые в истории литературы пишет комментарий к гениальному тексту, который сам написал.

Вторая часть «Фауста» это комментарии – филологические, богословские, философские, исторические и литературоведческие. Поэтому, я понимаю, почему в школах Германии на уроках литературы изучают именно эту трагедию. В ней заключены философия, строение мироздания, религия и вообще всё на свете.

Белинский не очень удачно назвал роман «Евгений Онегин» – «Энциклопедией русской жизни». Название «Энциклопедия жизни» гораздо больше подходит произведению Гёте. Там всё: астрономия, космология, биология, история и политология, которой в произведении отведено огромное место. Я не люблю политику и политологию, но специально заставил себя перечитать многочисленные сцены, где присутствует Император. Сцен действительно очень много: правитель ведёт долгие, нудные политические разговоры с Костилианом, министрами и т.д. Я понимаю, у Императора накопился политический опыт (он раньше был министром), который он стремится выплеснуть.

Император символизирует мирскую власть, а у Гёте нет к ней отношения. У нас неправильно переводят: «Несть бо власть, аще не от Бога». Правильно звучит так: «Нет власти, которая не перед Богом». Иными словами, Бог видит любое злодеяние и на весах всё оценивает.

Образ Императора в трагедии – никакой. Что касается остальных – они живые: Мефистофель, кузнички, ведьмы, окружающие профессора студенты. Присутствие Императора в произведении незначительно, но тем не менее он занимает огромное место во второй части. Что же он делает? Правитель заявляет, что денег нет, но ему всё равно советуют: кого-то завоевать, что-то добывать, и никто не говорит, что делать. Вдруг к Императору подходит советник и говорит: «А вы вместо золота выпускайте билеты». Здесь свою роль сыграл проект Казановы, который фактически ввёл государственную лотерею и решил финансовые проблемы во Франции.

О Казанове сложилось неверное представление. То были времена энциклопедистов – супер-людей. Казанова был всем – учёным, поэтом и героем-любовником, впервые открывшим европейскому человеку, как ухаживать, как «пробудить» женщину. До этого существовала только страсть. Любви стали учиться, когда появился сентиментализм – направление, с которого начинал Гёте.

«Фауст» – учебник любви, причём очень интересный. Он учит любви как пылкому, нежному и страстному чувству, предостерегая девушек, говорит о том, что всё может закончиться бедой; говорит о заблуждении тех, кто осуждает женщину за незаконную связь. Все эти идеи собраны в произведении, поэтому оно и приобрело сказочную популярность.

Гёте мог ограничиться первой частью, но именно вторая часть трагедии ознаменовала собой рождение движения, которое в России к концу XIX – началу XX века получило название – «символизм». До его появления считалось, что есть некая реальность, а мы своим разумом и чувствами её познаем. Вскоре выяснилось, что никакой реальности, данной нам в ощущениях, не существует: человек сам всё создаёт. Всё, что он назовёт реальностью – становится ею. Мы наблюдаем это на самых разных уровнях. Неслучайно треть книги Ульянова (который Ленин) – «Материализм и эмпириокритицизм» отдана для критики величайшего гения Гельмгольца. Он открыл, что мы вовсе не получаем реальность, когда видим или слышим – мы получаем только её иероглиф, который трактуем по-своему. Например, дальтоники видят зелёный как красный, есть люди, которые вообще не видят цветов, существуют и такие, кто различает сотни тысяч цветовых оттенков. К тому же, когда мы видим картинку вверх ногами, то мысленно переворачиваем её обратно...

Открытия Гельмгольца объясняют, что никакой реальности, данной нам в ощущениях, не существует. А вся философия материализма и позитивизма была основана на идее существования некоей реальности. Гёте этого не разделял. В своей книге о природе он через века спорит с Ньютоном, который утверждал, что цвет существует как длина волны. Гёте прозорливо говорит, что сама по себе длина волны не даёт никакого цвета. Для выявления цвета необходим человеческий глаз и человеческое восприятие этой волны. Благодаря восприятию человека мир становится цветным. Гёте и Ньютон были правы, а если соединить вместе их точки зрения – получится истина.

Во второй части трагедии Гёте не заботится о реальности. Чтобы освободить Маргариту, Фауст отправляется на шабаш ведьм. Там герой летает на метле, танцует шабашный танец, попутно обхаживая с Мефистофелем красивых женщин, которые оказываются ведьмами, а ведьмы – прекрасными женщинами, или устремляется к симпатичной богине, у которой в момент любви изо рта выскакивает красная мышь. Вторая часть «Фауста» – невероятнейшая феерия, наполненная иронией, смехом и карнавалом. Больше всего происходящее напоминает спиритический сеанс, по крайней мере, так это преподносится. В спиритическом сеансе Фауст разыгрывает перед Императором мистерию, которая превращается в реальность, которая, в свою очередь, превращается в мистирию, и вновь возникает спиритический сеанс. На самом деле Фауст немощный старик, который лежит и болеет после переживаний и потрясений с Маргаритой, а всё происходящее – его видения. Но для Гёте они реальнее, чем всё, что происходило у Фауста в жизни. Вот где символизм. Георгий Иванов говорил, что символ существует только тогда, когда он тёмный и многолик.

Перед шабашем появляются фуркиады. Уверен, что далеко не все знают, кто они такие. Фуркиады – три фурии, у которых один глаз на троих. На шабаше они играют огромную роль: превратившись в прекрасных женщин, участвуют в соблазнении Фауста. В конце концов одна из фуркиад снимает маску и оказывается Мефистофелем. Иными словами, вторая часть «Фауста» такая феерия, что так и просится на сцену.

В своё время я уговаривал Любимова поставить «Фауста», и он это сделал. Юрий Петрович, безусловно, гений, но лишён чувства мистического, а без мистики там делать нечего. Вся вторая часть трагедии – чистая мистика и торжество субъективного. Казалось бы, Гёте ученый, палеонтолог, изучал историю, языки и ботанику, но являлся субъективным идеалистом.

Мне было легко читать Гёте, поскольку я тоже субъективный идеалист и не верю в существование какой-либо реальности. Все реальности создаёт сам человек. Не знаю, читал ли Гёте трактаты Беркли, но их, несомненно, читал Свифт, когда писал «Гулливера». Епископ Беркли провозгласил идею о том, что нет кресла, а есть лишь ощущение твёрдости, деревянности, изогнутости – всё вместе это даёт ощущение кресла. У Ульянова (который Ленин) полкниги посвящено критике епископа Беркли. Он обрушивался на Беркли с такой яростью, словно чувствовал могилу материализма.

Такой свободы полёта воображения и фантастической феерии, как во второй части «Фауста», в литературе просто не существует. Путешествие по духовным сферам Фауст предпринял, чтобы освободить Маргариту. Но когда герой приходит в темницу, возлюбленная отказывается идти с ним. Маргарита безумна, а утром её должны казнить. Она говорит о трёх могилах: матери, брата и своей с мёртвым ребёнком на груди. Безумие Маргариты священное: она уже вне всякой реальности. Девушка отказывается идти, и Фауст с Мефистофелем уходят. Раздаётся голос: «Погибла», – а потом звучит голос Бога: «Спасена». В постановке Любимова этого момента нет. Юрий Петрович был верующим и крестился перед каждым бутербродом, но чувство мистического его театру несвойственно. Любимов, конечно, поставил «Фауста», но это не «Фауст» Гёте. Вероятно, на него большое влияние оказало мнение Эрдмана, который считал, что вторая часть – «от лукавого». Такого же мнения придерживалась тёща Александра Блока. Прочитав «Фауста», она сказала: «Господин тайный советник Гёте решил поразить немцев своей учёностью». Так она восприняла философские диалоги и разговоры со сфинксами во второй части трагедии.

Символисты до сих пор препятствуют канонизации Леренского в качестве святого. Несомненно, рано или поздно он будет канонизирован, хотя бы как мученик-страстотерпец. Владимира Соловьёва можно канонизировать. Но существует одна ересь. Есть Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой. Но где же четвёртая ипостась – София? Есть такая икона, София – Премудрость Божья. На ней святая восседает на троне, у подножья которого мы все ютимся. Одна из дам написала Владимиру Соловьёву, что она и есть София – Премудрость Божья. Однажды он встретил её в египетской пустыне. Андрей Белый как-то раз на пирамиде Хеопса за Софию принял Асю Тургеневу. Александр Блок относился к своей супруге, как к Софии – Премудрости Божьей. Жену поэта происходящее совершенно не устраивало, она думала, что это игра, но для Блока всё было всерьёз.

Почитайте мемуары Андрея Белого, написанные гекзаметром, там он об этом очень много говорит. Кстати, Андрей Белый был частью любовного треугольника с Менделеевой и Блоком, но в определённый момент смог найти в себе человеческие чувства по отношению к девушке. В конце концов роман вспыхнул не только в небесной, но и в земной плоскости, хотя Белый эти два измерения не разделял, а Блок разделял. Вот такой очень тонкий, возвышенный, нежный, высокий, любовный мистический треугольник.

Всё это исходит из второй части «Фауста». Фауст не может расстаться с Маргаритой, поэтому ищет её в мире вечности. Но кто же она? Елена-Прекрасная. Из-за кого все войны? Из-за чего вся история и кем она движима? Только ей одной. Поэтому Фауст просит Мефистофеля показать ему Елену.

Дальше для меня происходит нечто необъяснимое. Каким-то образом Елена-Прекрасная оказывается при дворе Императора, и Фауст хочет похитить её. Перед этим приводят закованного в цепи юношу, наказанного за то, что он проглядел Прекрасную Елену. Девушка, конечно, заступается за него. Елена остаётся при дворе, но для героя она всё та же Маргарита. Мефистофель не отделяет себя от Фауста. Он играет с ним в игру, участвуя в ней как третье лицо. В игре «Бог, Мефистофель и Фауст» Мефистофель выступает в роли Джокера. Он может быть любой масти и принять любую сторону. Мефистофель – трикстер, но где-то в глубине души он очень симпатизирует Фаусту. Происходит постепенное психологическое переливание: всё больше свойств Фауста переходят к Мефистофелю, а Фауст перенимает всё больше игровых свойств Мефистофеля.

В «Фаусте» множество тонкостей, открывающих широкие возможности для актёрской игры. Трагедия написана для чтения, и я согласен, что поставить её будет нелегко, но, с другой стороны, сегодня ставят шестичасовые постановки, а при царе Алексее Михайловиче разыгрывались драмы, которые длились и по двенадцать часов. Конечно, «Фауста» можно поставить, но где взять таких актёров и режиссёров? Действия в трагедии сопровождают многочисленные хоры эльфов, ведьм, кузнециков и даже травы. «Фауст», прежде всего, потрясающая музыкальная феерия. Понятно, что здесь прослеживается влияние последних мистических вещей Шекспира – «Зимних сказок» и «Бури».

В трагедии всё разворачивается в невероятную по масштабам мистерию. Фауст похищает Елену, а Мефистофель просто в ужасе от этого поступка, потому что герой может погибнуть... Снова коморка Фауста. Вновь лежит умирающий старик, а в это время в лаборатории ученики трудятся над выведением гомункула (маленького человечка). Одному из студентов удалось создать его. Вскоре гомункулус начинает разговаривать. «Вы поосторожней со мной, – говорит он, – кристаллический человечек это вам не просто так. Всё, созданное природой, существует только вместе со всей вселенной. Всё, созданное искусственно, должно быть защищено и ограждено».

В советском и европейском литературоведении почему-то большое внимание уделялось строительным планам Фауста. Действительно, архитектурные проекты выглядят несколько неожиданно. Одним из советов, данных Императору, стал план грандиозного строительства, на котором будут задействованы все. Когда Фауст приступает к строительству, Мефистофель рисует перед ним картину мегаполиса XIX века, однако с мегаполисом XX века здесь большой разницы нет: «Я вижу, твой проект увенчается успехом: дома, нагромождённые друг на друга, рынок с гниющим мясом, нечистоты, которые некуда девать».

«Это что, светлое будущее всего человечества? – думает Мефистофель. – Ну ладно, строй». В этот момент, уверенный в том, что строительство началось, слепой Фауст читает монолог «Остановись мгновенье, ты прекрасно...», но на самом деле это просто лемуры копают ему могилу. Так гениальная трагедия предостерегает от упоения строительно-индустриальным прогрессом и от наивных мечтаний о том, что машины, индустрия и полезные ископаемые смогут сделать человека счастливее.

В «Фаусте» есть один эпизод, который, несомненно, произвёл большое впечатление на Гоголя. В образах Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны, любовь которых сохранилась даже спустя тридцать лет, Николай Васильевич воплотил античных героев Филимона и Бавкиду. Когда Фауст рыл строительный канал, то наткнулся на их жилище и, не задумываясь, приказал снести его. Вот такое гениальное прозрение. А потом утонули целые города с церквями, кладбищами и пахотными землями. Причём это происходило не только у нас. В Египте Асуанская плотина утопила древние храмы. Вот такой Гёте – масштабный, мистический, энциклопедичный, сверхмудрый человек и в то же время абсолютный лирик и яростный романтик.

В последней части остаются только философы. Я бы посоветовал изучать «Фауста» во всех вузах и школах, поскольку трагедия стоит всех учебников философии. Философы говорят об обретении смысла жизни, который на самом деле заключён в Прекрасной Елене. Посмотрите, как гениально создана сцена Троянской войны. Идёт бой и среди стариков начинается ропот. Они возмущены, что война идёт из-за какой-то Елены, и требуют вернуть её обратно. В античном мире женщине не принято было появляться публично, только на отдельных общественных мероприятиях. Гетерам разрешалось играть на арфе, услаждая мужские компании, и писать стихи. В остальное время женщины находились на своей половине дома.

Нарушая запрет, Прекрасная Елена появляется публично, и старики, которые совсем недавно роптали, восхищаются её красотой и принимают решение продолжать войну. Видимо, эта сцена вдохновила Гёте на написание финала «Фауста». Постепенно в трагедии отпадает всё житейское. То, что узнал Фауст, невозможно выразить словами. Он познал смысл жизни, нашёл то, к чему стремился, но всё это – великая тайна, которая не может быть озвучена.

Таков конец великого произведения великого мастера.